

СВЯЗИ КИЕВА С ВИЗАНТИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII—XIV вв.

Рассматриваются связи Киева с Византией в послемонгольское время. Автор приходит к выводу, что в XIII—XIV вв. эти контакты осуществлялись главным образом в церковно-политической сфере.

Длительное время в историографии господствовало мнение о полном запустении Киева и всей Южной Руси после нашествия Батыя. Работы М.А.Максимовича, В.Б.Антоновича, М.В.Владимирского-Буданова¹ и многих других историков, где высказывалась противоположная точка зрения, практически не учитывались или подвергались сокрушительной, но далеко не всегда аргументированной и справедливой критике. Хотя, конечно, в них и встречались ошибки конкретного или методологического характера.

Нередко аргументированный спор подменялся наклеиванием ярлыков. Так, из утверждения, что "длительная и острая дискуссия, проходившая в XIX веке между объективно настроенными учеными, отстаивавшими тезис о запустении Киева в XIII—XIV веках, и буржуазными украинскими националистами"², каждому становилось ясно, что последние никогда и никак не могут оказаться правыми. Правда, "объективно настроенные ученые" утверждали, что до конца XIV в. украинцы вообще не проживали в Киеве и Среднем Поднепровье, а пришли из Карпат после ухода великороссов на Северо-Восток.

В большинстве современных исторических работ прямо не говорится о полном разрушении и запустении Киева на протяжении второй половины XIII—XVI вв., но многими историками это считается само собой разумеющимся. Поэтому в исторических разработках часто вообще отсутствуют какие-либо упоминания о Киеве этого периода. Даже если они и встречаются, то история Киева рассматривается слишком обобщенно и прямолинейно, не различается динамика его развития на протяжении указанных столетий. Такое глубоко укоренившееся мнение о полном уничтожении Киева в 1240 г. и низведении его до роли города с "местечковым" населением³ продолжает господствовать среди историков искусства и литературы, в учебниках, научно-популярной литературе, где оно вызывает существенное смещение акцентов в подходе к исследованиям по конкретным вопросам, когда вероятность создания в Киеве каких-либо произведений искусства или литературы даже не рассматривается.

Между тем археологические исследования Киева последних лет, а также новейшие источниковедческие разработки письменных источников дают возможность более объективно представить историческое развитие города после 1240 г. Относительный упадок Киева после

нашествия Батия связан не только с конкретными разрушениями города, но и является следствием разорения основной экономической базы Киева — Южнорусских земель, гибели всей древнерусской государственной и экономической системы, установления тяжелейшего золотоордынского господства в стране. Однако и в новых исторических условиях Киев оставался значительным политическим, экономическим и культурным центром.

Одной из существенных особенностей положения Киева в новой исторической обстановке, сложившейся в Восточной Европе, являлась историческая традиция, по которой Киев оставался древней политической и церковной столицей, символом единства и могущества Руси в общественном сознании народа, что отразилось в фольклоре, памятниках Куликовского цикла. В представлении золотоордынских ханов и западноевропейских государей Киев оставался столицей Руси и в XIII в.⁴ Все это обуславливало специфику положения города в политической жизни того времени, превращало его в потенциальный центр консолидации русских земель, центр борьбы против ордынского ига.

Продолжали оставаться старые и устанавливаться новые политические и экономические связи Киева с различными восточно-славянскими землями, крупными центрами Центральной и Западной Европы, Балканами и Византией. Связи Киева с Византией сохранились прежде всего по церковно-политическим, а также торговым каналам. В первую очередь это связано с местонахождением в Киеве древней резиденции митрополитов и сложной политической борьбой, развернувшейся вокруг судеб общерусской митрополии.

Уже вскоре после Батыева нашествия, в 1246 г., Плано де Карпини, возвращавшийся из Каракарума, встретил в Киеве множество купцов — представителей наиболее значительных торговых центров Средиземноморья, прибывших из Константинополя: "Михаил Генуэзский, также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверей из Акры, Николай Пизанский — это более главные. Другие менее важные суть: Марк, Генрих, Иоанн Вазий, другой Генрих Бонадиес, Петр Пасхами; было еще много других, но имена их нам не известны"⁵.

Вероятно, главную роль в это время играл торговый путь из Киева в Константинополь, шедший через Белгород (Аккерман, Монкастро). Этим путем прошел в 1419 г. игумен Зосима: "Я пошел из Киева с купцами и вельможами великими и прошел 30 миль" до Брацлава на Буге, оттуда "пошли татарской степью, и шли 50 миль татарскою дорогою, которая зовется "на великий дол" до перевоза и таможи на р.Днестр. "И оттуда три дня шли по валашской стороне до Белгорода... Оттуда девять верст до моря. На самом устье Днестра стоит столп, который зовется Фонарь, тут была корабельная пристань". Через три недели (к 14 ноября), несмотря на осенние шторма, корабль с Зосимой вошел в "цареградское устье"⁶. Этим же путем ездил из Киева в Константинополь и обратно митрополит Киприан. Он писал в своем

послании к Сергию Радонежскому: "еду к Царюгороду коньми на Во-лошскую землю"⁷. В 1389 г. Киприан возвращался из Константино-поля морем до Белгорода (попал при этом в бурю и грозу), а оттуда сухопутным путем пришел в Киев⁸.

Наиболее прямой путь из Киева по Днепру в XIV–XV вв. имел уже второстепенное значение. По предположению М.Н.Тихомирова, "в условиях развитого судоходства однодеревки не могли удовлетворять торговые потребности, тем более что и татарские отряды были куда опаснее древних печенегов"⁹. Если татарские отряды далеко не всегда угрожали купцам (ведь существовал сухопутный путь в Крым, казало-сь бы, куда более опасный, чем речной), то большие морские кораб-ли новой конструкции, конечно, не могли преодолеть пороги. Однако определенное значение Днепровский путь продолжал играть и в это время. Южную его часть охраняло Олешье (здесь проходили кордоны Великого княжества Литовского и Русского). Позднее Олешье стало генуэзским замком Лерици. Оживленным был и участок Днепровско-го пути до Черкасс, откуда начинался сухопутный путь на Перекоп.

В середине XIII в. киево-византийские контакты, вероятно, были прежде всего связаны с митрополитом Кириллом и его окружением. Кирилл — один из наиболее выдающихся политических деятелей Руси своего времени являлся, по выражению Д.С.Лихачева, звеном, связы-вавшим Южную и Северную Русь. Он был инициатором русско-никей-ско-сарайского сближения, направленного против папства и кресто-носцев. О тесных связях с Болгарией свидетельствует Кормчая книга, присланная болгарским князем (русским по происхождению) Иако-вом-Святославом в 1264 г.: "преосвященному архиепископу Кириллу преславного града Киева, учителя же всей Руси и светильника церк-вам богоспасеннаго града Киева"¹⁰. В 1273 г. в Киеве митрополит Кирилл созвал общерусский собор епископов, на котором киево-пе-черского архимандрита Серапиона поставили владимирским еписко-пом и были приняты Правила Кирилла, распространившие на всю тер-риторию "русской" митрополии единый порядок, принятый в Киеве. Я.Н.Шапов убедительно показал ошибочность бытовавшего в историо-графии мнения, что собор происходил в 1274 г. во Владимире-на-Клязь-ме¹¹. (Предположение, что собор происходил в Киеве, в свое время высказал еще Н.Г.Бережков.) Можно с уверенностью предположить, что все эти активные действия Кирилла по "упорядочиванию" ру-ской церкви и в политической сфере сопровождалось контактами с патриаршей кафедрой.

После смерти Кирилла 7 декабря 1282 г. (что аргументированно доказано В.Л.Яниным)¹², а не 1280 г., как обычно считается в исто-риографии, в 1284 г. из Константинополя в Киев приходит новый мит-рополит Киевский и всея Руси Максим "родом Гречин". Для утвержде-ния новой редакции Кормчей книги, куда вносились принципиальные дополнения, он созывает новый собор русских иерархов: "Позвани бы-

ша епископи вси рускиа в Киев к Максиму митрополиту Киевскому и всеа Руси"¹³. Естественно, что, находясь до 1300 г. с митрополичьим двором в Киеве, Максим и его окружение поддерживали контакты с Константинополем.

В 1300 г. митрополит Максим вместе с клиром переезжает из Киева во Владимир-на-Клязьме, "не терпя насилия от татар в Киеве". Источники ясно не говорят, какие же конкретно события стоят за этим переездом. Традиционное объяснение — уничтоженный Киев и золотоордынский террор — не может удовлетворить современного исследователя. Ведь в самом Киеве ордынские войска постоянно не стояли; Владимир пострадал не меньше, а скорее всего больше Киева и также зависел от Золотой Орды. Непонятно, почему Максим не перевел митрополию во Владимир раньше или позже, а главное, почему одновременно "весь Киев разыдеса"¹⁴.

Мы можем предположить, что это было связано с общей политикой Сарая по отношению к Киеву, направленной на ликвидацию политического авторитета и влияния древней столицы. Сначала Киев был лишен политического руководства в лице великого князя. Южнорусские князья на киевский стол не допускались. Город передавался как знак верховенства на Руси северо-восточным князьям, которые заведомо в Киев не перешли бы (хотя, возможно, ханы их тоже не пустили бы — источники об этом молчат). Во всяком случае ни Ярослав Всеволодович, ни Александр Невский, ни "го брат Андрей Ярославич ни разу Киев не посетили. Теперь, в 1300 г., из Киева удалялась и другая наиболее влиятельная политическая и идеологическая сила, обладавшая к тому же развитым аппаратом. Таким образом, нам представляется, что инициатором перевода митрополии являлись не великие князья Владимирские, не митрополит Максим, а Золотая Орда, точнее, хан Тохта. Конкретно этот перевод митрополии мог быть связан с борьбой темника Ногая с сарайским ханом Тохтой¹⁵. Киевские правящие круги, входившие, судя по всему, в это время в сферу влияния Галицко-Вольнского княжества, и митрополия поддерживали темника Ногая. После его поражения и гибели со стороны хана Тохты последовали репрессии и "весь Киев разыдеси", а Максим со своим клиром переводится во Владимир, лишь номинально носивший титул великокняжеского стольного града.

Однако и после переноса митрополичьей кафедры во Владимир, а затем в Москву Софийский собор официально продолжал оставаться митрополичьей резиденцией — "собственным престолом и первым седалищем архиерейским". Патриархия только в 1354 г. официально утвердила перенос кафедры. Новые митрополиты, приходя на Русь, сначала шли в Киев, где, вероятно, происходила в Софийском соборе торжественная церемония, посвященная вступлению в сан главы русской церкви. В 1380 г. патриарший собор поста эвил, что "невозможно быть архиереем Великой Руси, не получив сначала наименования

по Киеву, который есть соборная церковь и главный город всей Руси¹⁶.

Так, в 6816 (1308) г. "прииде изо Царяграда пресвященный Петр митрополит в Киев и на всю Русь, и сяде в Киеве". И только на следующий год "прииде из Киева в Володимир пресвященный Петр"¹⁷. Последний — выходец из Волыни — был игуменом Ратского монастыря, сам писал иконы. Великий князь галицкий Юрий Львович направил Петра в Константинополь для посвящения в митрополиты, стремясь посадить его на отдельную галицкую митрополию. Но в это время в Византию пришло известие о смерти Максима (1305), и патриарх Афанасий рукоположил Петра на митрополита Киевского и всея Руси.

Следующий митрополит — Феогност, поставленный патриархом Исаей, также пришел сначала в Киев, а затем во Владимир и Москву: "6836 (1328). Преосвященный Исайя патриархъ Константиноградский постави Феогнаста митрополитом Киеву и всей Русской земле Грека... и иде изъ Киева по градомъ многимъ таже прииде и въ Володимерь и въ славный градъ Москву"¹⁸. В 1329 г. Феогност, выйдя из Новгорода, посетил Волынскую землю, Галич, Жараву и пришел в Киев, где пребывал около года¹⁹. В дальнейшем, пребывая на протяжении нескольких лет во Владимире-Волынском, обходя другие центры Юго-Западной Руси, митрополит посещал и свою киевскую резиденцию. Об одном из таких посещений Киева свидетельствует граффити в главном алтаре Софийского собора (на восточной плоскости южного крещатого столба): "Грешному митрополиту Феогносту всея Руси многие лета"²⁰ (фото 1).

В сложной, часто меняющейся политической обстановке середины XIV в. Киев вызывал пристальное внимание Константинополя, прежде всего патриархата, являвшегося наиболее влиятельной политической силой в этот период. Борьба за единство общерусской митрополии, попытки создать самостоятельные митрополии, соперничество различных претендентов на митрополичье кресло, борьба за лидерство в собирании всего древнерусского наследства, а также против Золотой Орды — во всех этих политических перипетиях, на которых мы не будем останавливаться специально, Киев выступает как один из важнейших, узловых пунктов²¹.

Проблема состояла в том, что значительная часть бывшей древнерусской территории, большинство населения входило в состав Великого княжества Литовского и Русского. Киев — официальный центр митрополии — находился под влиянием, а вскоре и юридически вошел в состав Великого княжества Литовского. Митрополиты же "Киевские и всея Руси" со своим двором находились в Москве, временами посещая западные земли своего диоцеза и древнюю резиденцию. Ольгерд стремился или к возвращению митрополитов в Киев (вырывая их, таким образом, из-под влияния московского князя), или к разделу и образованию самостоятельной митрополии на землях своего княжения.

Для самого существования Византии в условиях наступающего мусульманского мира жизненно необходимо было сильное объединенное православное государство на бывших древнерусских территориях, а не конгломерат княжеств, принадлежащих разным государственным объединениям, нередко переходящих из одного в другое и борющихся друг с другом. Существующая Русь не могла успешно бороться с Ордой, католическим наступлением, оказывать эффективную помощь ослабленной Византии против османов или Рима. Такая ориентация Константинополя на поддержание, точнее, на воссоздание, единства Руси прежде всего проявлялась в церковной политике. Именно Константинополь поддерживал Московского князя, однако на его политику влияла борьба партий в самой Византии. Когда у власти стоял Иоанн Кантакузин и его окружение (партия исихастов), то византийская политика была последовательно промосковской; при Палеологах эта политика часто нарушалась. Так, именно при противниках Кантакузина патриархат признал независимую Галицкую митрополию. Однако вскоре после победы в гражданской войне Иоанна Кантакузина и последовавшего смещения патриарха Иоанна Калеки, в сентябре 1347 г., император ликвидировал эту митрополию, воссоединив ее с общерусской, о чем был дан специальный хрисовул, а также ряд грамот князьям Симеону Ивановичу и Дмитрию-Любарту. Во всех частях Руси по древним обычаям и законам, говорилось в них, должен быть один митрополит — "киевский, который рукополагал бы епископов на все святейшие епископии". Патриарх Исидор и его синод подтвердили императорский хрисовул соответствующим постановлением²².

У исследователей этой эпохи нередко возникает вопрос, почему же Византия поддерживала именно Москву, а не Ольгерда, во владениях которого, отмечал И.Ф.Мейендорф, — "находился не только сам Киев — традиционная кафедра митрополита, — но и наибольшая территория, а также, вероятно, и большая часть населения бывшей Киевской Руси. Возглавляемая литовской династией территория современной Белоруссии и Украины была в языковом и культурном отношении "русским" государством, независимым от Золотой Орды и претендующим с большими, казалось бы, основаниями, чем Москва, на возглавление всей Руси. Для достижения этой цели оно обладало и экономическими, и военными возможностями". Кроме того, заключал далее исследователь, Византии было также "известно о готовности Ольгерда в случае получения поддержки из Константинополя принять византийское православие... Поэтому причины предпочтения, оказываемого Византией Москве, нелегко установить"²³.

Впрочем, советская историография последних лет достаточно убедительно осветила причины такой политики Кантакузина и патриарха Филофея. Константинополь стремился сохранить контроль над общерусской церковной организацией как мощным орудием своего влияния, чтобы после свержения ордынского ига использовать военный

и экономический потенциал объединенной Руси против османской агрессии. Литва была надолго связана обескровливающей борьбой с Орденом, а ее верхушка, оставаясь языческой, не имела давних традиций в отношениях с Византией. В Константинополе осознали растущий реальный потенциал Северо-Восточной Руси, неизбежность назревающего конфликта с Золотой Ордой. Географо-политический фактор говорил также в пользу Московского княжества: оно непосредственно соприкасалось с восточным мусульманским миром, являясь здесь оплотом православия. Ставка Византии на Литву могла толкнуть Москву в объятия мусульманского мира, теснее привязать ее к политике Золотой Орды²⁴.

К сказанному можно добавить, что И.Ф.Мейендорф не прав, говоря, что Киев находился в Литве, а русские земли, вошедшие в ее состав, были независимы от Золотой Орды. Эти утверждения верны лишь после событий 1361–1362 гг., когда Киев официально вошел в состав Великого княжества и киевским князем стал Владимир Ольгердович, а главное – после разгрома татарских войск на Синеи Воде. В более ранний период, когда формировалась политика Кантакузина и его сторонников, Киев и Южнорусские земли находились в подчинении Золотой Орды и в сфере влияния московского митрополита.

Итак, положение Киева как древней русской столицы и традиционного общерусского церковного центра обеспечивало ему пристальное внимание византийских политиков и соответственно церковно-политические связи с Византией.

В 1352 г. Ольгерд пытался утвердить в Киеве своего ставленника Феодорита, которого он хотел возвести в общерусские митрополиты, однако константинопольский патриарх Филофей отказал ему в этом. Тогда Ольгерд обратился за помощью к болгарской церкви к тырновскому патриарху: "Того же лета инок Феодорит поставлен бысть митрополитом от терновского патриарха и прииде в Киев"²⁵. Константинопольскому патриарху Каллисту пришлось разослать "во все тамошние места" грамоты, в которых Феодорит объявлялся низложенным, а в случае непослушания – и отлученным от церкви.

После смерти митрополита Феоноста в 1354 г. патриарх Филофей рукоположил в митрополиты "Киевские и всея Руси" московского кандидата Алексия, возложив на него обязанность получения литовских земель его диоцеза и поддерживания постоянной связи с Константинополем²⁶. Филофей также официально санкционировал перевод митрополичьей кафедры из Киева во Владимир²⁷, подчеркнув, впрочем, значение Софийского собора как второй резиденции митрополита. В результате Ольгерд потерял юридическое право требовать возвращения митрополита из Москвы в Киев.

В конце 1354 г. Иоанн Кантакузин вынужден был уйти с императорского престола, а в начале 1355 г. удален с патриаршества на Афон и патриарх Филофей. К власти вернулись Иоанн V Палеолог и патриарх

Каллист, при которых политика по отношению к Москве на некоторое время изменилась. В митрополиты был поставлен ставленник Ольгерда, выходец из Твери — Роман. Еще до своего поставления в Константинополе Роман предпринял неудачную попытку обосноваться в Киеве: "Того лета поиде из Литвы в Царьград Романъ чернец на митрополию, и выиде, не приняша бо его кияне"²⁸. Ситуация с борьбой двух митрополитов на Руси привела к новой поездке в Константинополь и специальному разбирательству патриаршего собора, на котором общерусская митрополия фактически была поделена между Алексеем и Романом: "В лето 6865 (1355—1356) приде Алекси митрополит из Царьгорода на Русьскоую землю, а Роман на Литовьскоую и на Волыньскоую"²⁹. За Алексеем осталось право на киевскую митрополию и "всая Руси" вместе с Киевом, за которым сохранялось значение "первого престола" митрополита. Роману досталась резиденция в Новогрудке с Полоцкой, Туровской, Новогрудской, а также Галицко-Волынской епархиями³⁰.

Как предполагают некоторые историки, Роману после нескольких неудачных попыток все же удалось обосноваться в Киеве³¹. В соборном определении патриарха Каллиста (июль 1361 г.) о пределах Киевской и литовской митрополий говорится, что "приидя в Киев, он (Роман. — Г.И.) не по праву совершал здесь литургии и рукоположения и дерзостно назвал себя единственным митрополитом Киевским и всея Руси, что вызвало смуту и замешательство в области преосвященного митрополита Киевского и всея Руси и побудило литовского государя восстать против христиан и причинить им немало бед и кровопролития"³². П.Г.Клепатский, а вслед за ним и Ф.М.Шабульдо датируют утверждение Романа в Киеве 1357—1358 гг.³³ Исследователи располагают вескими основаниями для такого предположения. Однако следует иметь в виду, что в грамоте могли быть и отголоски событий 1354 г. Других источников об утверждении Романа в Киеве нет. Рогожский летописец лишь кратко сообщает о смерти Романа, но где это произошло, неясно. В статье 6870 (1361—1362) года говорится: "Тое же зимы преставися Роман митрополит"³⁴.

Важнейшую роль в политической и культурной жизни Восточной Европы с начала 70-х годов XIV в. до своей смерти в 1406 г. сыграл Киприан. В его политической карьере отразились все сложности и противоречия того времени. Он принимал активное участие практически во всех основных политических событиях тех лет и оказал существенное влияние на их ход. Перипетии его бурной и изменчивой политической деятельности рассматривались многими исследователями³⁵. Отметим только, что Киприан был рукоположен в митрополиты 2 декабря 1375 г. патриархом Филофеем, предпринявшим еще одну попытку добиться церковного единства Руси. Патриарх избрал, по его собственному выражению, "в деле средний путь". Уступая энергичным требованиям Ольгерда, угрожавшего переходом Литвы в католицизм,

он поставил "кир Киприана в митрополита киевского, русского и литовского, т.е. тех мест, которые в продолжение многих лет митрополит кир Алексий оставлял без внимания. А чтобы древнее устройство Руси сохранилось и на будущее время, то есть чтобы она опять состояла под властью одного митрополита, соборным деянием законополагается, дабы после смерти кир Алексия кир Киприан получил всю Русь и был одним митрополитом всея Руси". Таким образом, православное население Великого княжества Литовского и Русского не подверглось "конечной беде и душевной погибели через присоединение к чуждой церкви", и в то же время оставался один митрополит для всей Руси, как того "требуют и право, и польза, и обычай"³⁶.

9 июня 1376 г. Киприан прибыл из Константинополя в Киев, где возглавил самостоятельную литовскую митрополию, выжидая время, чтобы стать общерусским митрополитом. Киприан находился в Киеве с 1376 по 1390 г. (за исключением пребывания в Москве в 1380—1382 гг.), а после переезда в Москву достаточно подолгу пребывал в Киеве в 1396—1397 и 1404—1405 гг. Отсюда он ездил в Константинополь, вел обширную переписку. Здесь в его окружении создан известный "Список городов русских ближних и дальних", а также знаменитая иллюстрированная Киевская псалтырь (рис. 1). В Киев приезжали многочисленные посланцы из разных политических и церковных центров Восточной Европы и Византии, различные его политические сторонники. Поэтому связи Киева с Византией в последней четверти XIV в. были особенно интенсивны.

Одним из свидетельств этих связей, вероятно, являются свинцовые актовые вислые печати, найденные при археологических исследованиях киевской ротонды в "городе Владимира", построенной на рубеже XII—XIII вв.³⁷ Первая печать, обнаруженная в 1976 г., довольно большая, диаметром 35—40 мм (рис. 2). Вторая, найденная в 1977 г., несколько меньше, оттиск на ней поместился неполностью. Обращает на себя внимание, что если печать 1977 г. является обычным моливдовулом толщиной 2—3 мм с отверстием для шнура, то у первой печати такое отверстие отсутствует, а толщина всего около 1 мм. Сама пластинка несколько больше матрицы. Похоже, что это не столько собственно актовая вислая печать, сколько ее образец или пробный оттиск. Обе печати оттиснуты одной матрицей, во втором случае пластинка печати меньше матрицы. Возможно, оттиск делался в спешке, наскоро, когда под рукой не оказалось свинцовой заготовки необходимого диаметра (фото 3).

Печати достаточно хорошо сохранились. На лицевой стороне помещено изображение Феодора Стратилата с копьём в правой руке и щитком в левой, окруженное точечным ободком. По сторонам от изображения святого нанесена колончатая зеркальная надпись с сокращением гласных на греческом языке "святой Феодор". На густые, кудрявые волосы налета диадема, украшенная посередине чем-то вроде розетки

Рис. 1. Прорись надписи на аверсе печати

обращает на себя внимание мастерский, уверенный рисунок, хорошая проработка деталей. На оборотной стороне помещена четырехстрочная греческая надпись (рис. 2). Текст расположен в ровных, почти полностью прямых строках. Буквы легенды также выполнены достаточно тщательно. Сама легенда хорошо сохранилась (прежде всего на печати 1977 г.). Несмотря на то что некоторые буквы сбиты и их рельеф сглажен, они просматриваются и прочитываются достаточно надежно.

Печати из раскопок киевской ротонды уникальны и аналогов им пока не обнаружено. Оформление не позволяет дать бесспорную датировку и атрибуцию.

По диаметру они значительно больше обычных древнерусских печатей XI – первой половины XIII в. На последних поясные изображения и греческие надписи (по крайней мере со светских печатей) исчезают с начала XI в.

Е.Ч.Скржинская считает, что некоторые неточности в употреблении написания букв, а также ошибки в изображении одежды "намекают на копирование сюжета, неясного для исполнителя матрицы", и предполагает, что матрица была изготовлена в Киеве в XIII–XIV вв. местным резчиком, то ли малограмотным, то ли повторившим неграмотный образец. Таким образом, печать представляет собой местную копию с византийского моливдовула³⁹. Мы все же считаем, что это работа византийского мастера. Уверенный и достаточно тонкий рисунок не характерен для известных русских печатей как XI–XII, так и XIII–XV вв. Не похожа она и на стиль чеканщиков монет князя Владимира Ольгердовича, бивших монету в Киеве во второй половине XIV в. Можно, впрочем, предположить, что если матрица была изготовлена

с драгоценным камнем. На первый взгляд эта резко перехватывающая пышные волосы диадема и верхняя часть прически принимаются за подобие небольшой круглой шапки с меховой опушкой типа обычного княжеского головного убора. Е.Ч.Скржинская считает, что резчик изобразил шапку по своей неграмотности и непониманию предмета копирования. Такие же ошибки исследовательница усматривает и в изображении одежды святого³⁸. В то же время об-

в Византии, то сами моливдовулы (особенно второй) могли быть отпущены в Киеве. Можно также предположить, что при изготовлении второго моливдовула воспользовались местной заготовкой — по размеру она больше отвечает обычным русским печатям. В таком скреплении грамоты в случае срочной необходимости (не в Византии, а в Киеве) в той сложной и быстро меняющейся политической обстановке не было бы ничего удивительного. По свидетельству летописей, в состав различного рода посольств иногда включались лица, в обязанность которых входило скрепление печатями грамот. Например, среди многочисленной свиты Митяя (отправившегося из Москвы в Константинополь хлопотать о поставлении на великорусскую митрополию) находился и "Дорофей печатник"⁴⁰.

Стратиграфическая ситуация находок не дает возможности для их четкой датировки. Первая найдена в поздней яме, которая пробила упавшую стену ротонды. Следовательно, она попала в яму уже после разрушения постройки, то есть никак не раньше середины XIII в., а поскольку ротонда существовала и позднее, то ее верхняя граница не определяется. Вторая печать обнаружена в переотложенном слое, лишенном каких-либо датирующих признаков. По нашему мнению, резкое отличие рассматриваемых печатей от древнерусских позволяет их отнести к XIV в.

Уточнить датировку может анализ легенды на реверсе печатей. Существует несколько возможных вариантов перевода греческой надписи легенды. Один из них сделан А.П.Кажданом: "Стратилат (Феодор) — скрепа посланий Нила"⁴¹. Е.Ч.Скржинская вначале предложила такой перевод: "Святой! (в звательном падеже, то есть в виде обращения) Будь милостив к пишущему — владыка Стратилат"⁴². Затем в ходе работы по изучению данных печатей исследовательница пришла к выводу, близкому к переводу А.П.Каждана. Буквальный перевод: "Нила писаний утверждение воистину Стратилат", или иначе: "Стратилат является воистину утверждением писаний Нила". Отмечая, что надпись метрична (ямбический триметр, или правильный двенадцатисложник), Е.Ч.Скржинская предлагает передать легенду печатей следующим образом: "Писаньям Нила Стратилат порука, так"⁴³.

Как видим, во всех вариантах перевода надписи присутствует Нил. Анализируя данные находки из раскопок ротонды, мы выдвинули предположение, что владельцем печати, вероятно, был некий Феодор ("печатник"?) из окружения высокопоставленного сановника Византийской империи Нила. Этот Нил должен был поддерживать тесные связи с Киевом. Наиболее известным в политической и церковной жизни Византии лицом, носившим такое имя, являлся патриарх Нил (1380—1389). С ним мы и связали рассматриваемые печати⁴⁴. Такую же возможность отнести данные печати к патриарху Нилу, следуя собственным рассуждениям, увидела и Е.Ч.Скржинская.

Ее вторая "осторожная догадка" (по выражению самой исследовательницы) о том, что именно Нил был игуменом погибшего в 1240 г. "Федоровского Вотча монастыря, патроном которого естественно мыслить изображенного на лицевой стороне печати св.Феодора Стратилата"⁴⁵, вряд ли может подтвердиться. Правда, в пользу этой догадки можно добавить, что Федоровский монастырь находился в сотне метров от ротонды — места находки печатей. Однако Федоровский монастырь не погиб в 1240 г., он упоминается Ипатьевской летописью под 1259 г., когда им управляла сестра Даниила Галицкого⁴⁶. Внушительные стены этого собора стояли еще в середине XVII в. Они зафиксированы на плане А.Кальнофойского 1638 г. и зарисованы А. ван Вестерфельдом в 1651 г. А.Кальнофойский обозначает собор как посвященный св.Феодору Тирону, а не Феодору Стратилату, т.е. покровителем монастыря должен был быть Федор Тирон. И именно он должен быть изображен на печати, если она принадлежала игумену этого монастыря.

Патриарх Нил буквально с первых дней своего патриаршества был втянут в церковно-политические дела на Руси, в которых он до своего посвящения не очень разбирался. На Руси в это время разгорелась упорная борьба за и против разделения общерусской митрополии по государственному признаку, между различными претендентами на кафедру, которая отражала различные политические тенденции, развивающиеся в стране. Одним из наиболее активных участников этой борьбы был Киприан, находившийся в этот период в Киеве. Патриарх Нил, поддерживая противников Киприана (сначала Пимена, а затем Дионисия Суздальского), пытался сместить последнего с общерусской митрополии, точнее, лишить его сана, поскольку Киприан, являясь номинальным общерусским митрополитом, обладал реальной властью лишь на территории Великого княжества Литовского и Русского.

Развязка борьбы Киприана с Дионисием прямо связана с Киевом. В 1384 г. Нил рукоположил Дионисия в митрополиты всея Руси. Кажется, Дионисий — энергичный и умный церковный и политический деятель — достиг вершины своей бурной, полной авантюры карьеры. Из Константинополя он направился в Киев: "приде изо Царяграда въ Кіевъ Діонисій епископъ, его же поставиша въ Цареграде митрополитомъ на Русь. И помышляше отъ Кіова ити на Москву, хотя быти митрополитомъ на Русь"⁴⁷. Вероятно, Дионисий должен был заявить о своем поставлении в митрополиты и провести церемонию освящения своего вступления в сан в Софийском соборе, а также передать Киприану вызов в патриархию для низложения. Напомним, что одним из пунктов решения патриаршего собора 1380 г., когда Пимена рукоположили в митрополиты Великой Руси, выдвигалось требование: "митрополит Киприан должен быть изгнан не только из Киева, но и вообще из пределов Руси"⁴⁸.

Однако Дионисий не учел реальной обстановки, которая сложилась в Киеве, а также силу киевского князя Владимира Ольгердовича.

Последний поддерживал политику Киприана и сам занимал достаточно самостоятельную позицию, намереваясь играть одну из наиболее важных ролей в деле объединения древнерусского наследия. За ним стоял авторитет древней столицы, заметно возрастающий военно-экономический потенциал Киевской земли, успешно возрождавшейся. Ярким свидетельством этого процесса являлась чеканка Владимиром Ольгердовичем собственной монеты где-то в 60-х годах XIV в. одновременно с Москвой и Литвой и ранее других крупных древнерусских центров. Дионисий по приходу в Киев был арестован князем: "и изнима его Кіювський князь Володимиръ Олгердовичъ, глаголя ему: пошель еси на митрополію въ Царьградъ безъ нашего повеленія". Сама формулировка обвинения Дионисия — почему не спросил согласия у Владимира Ольгердовича, говорит о силе киевского князя в это время. Дионисий "такъ пребысть въ нятіе и въ заключеніи и до смерти"⁴⁹ 15 октября 1385 г. Погребен он в "Киевской Печере великаго Антонія". Исследователи полагают, что в молодости Дионисий был постриженником Киево-Печерского монастыря⁵⁰.

Этот эпизод очень важен для понимания той борьбы за общерусскую митрополию, которую вел Киприан, находившийся в этот момент в критическом положении. Вмешательство киевского князя помогло ему через несколько лет стать не только номинальным, но и фактическим митрополитом "всех Руси", переехать в Москву, после чего "и преста мятежъ в митрополии, и бысть едина митрополія Киев, и Галичь, и всея Руси"⁵¹.

Вполне реально предположить, что именно в этот период происходил активный обмен посланиями между канцелярией Нила и Киевом. Возможно, что какие-то грамоты или послания Нила привез с собой и Дионисий, а какие-то писались в Киеве.

Ротонда, где найдены печати, носит следы ремонта послемонгольского времени (выполнена из брускового кирпича с каннелорами, сложенного в венской системе кладки на известковом растворе, резко отличающемся от обычной древнерусской цемянки). Все это свидетельствует, что ротонда стояла в XIV в. Не исключено, что следы ремонта (фото 4) связаны с деятельностью и самого Киприана, который в послании Сергею Радонежскому и Феодору Симеоновскому от 23 июня 1378 г. упоминал, что он "места церковная запустошена давними леты, оправил есмь приложити к митрополюи всея Руси"⁵². При раскопках ротонды найдены достаточно редкие серебряные монеты чеканки Владимира Ольгердовича (фото 5). Возможно, ротонда в XIV в. являлась резиденцией князя или продолжала служить палатой для княжеских или боярских советов. Таким образом, обнаруженные при раскопках ротонды акты печати служат свидетельством связей Киева с Византией последней четверти XIV в.

Из всего изложенного можно прийти к выводу, что и после разгрома города 1240 г. войсками хана Батые Киев оставался важным поли-

тическим и церковным центром. Киев по-прежнему поддерживал контакты с Византией во второй половине XIII—XIV вв. Связи осуществлялись главным образом по церковно-политической линии через митрополитов и их окружение. Сам Киев продолжал оставаться в фокусе внимания византийских политиков (прежде всего патриархата) постоянно.

- 1 *Максимович М.А.* Собрание сочинений : В 3 т. — Киев, 1876. — Т.1. — С.131—145; *Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. — Киев, 1885; *Владимирский-Буданов М.В.* Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века. — Киев, 1886.
- 2 *Вздорнов Г.И.* Исследование о Киевской Псалтыри. — М., 1978. — С.32.
- 3 Там же. — С.31, 32.
- 4 *Плано де Карпини И.* История монголов. — СПб., 1911. — С.121; *Матузова В.И.* Английские средневековые источники. — М., 1979. — С.142.
- 5 *Плано де Карпини И.* Указ. соч. — С.62.
- 6 *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. — М., 1969. — С.71, 72.
- 7 *Прохоров Г.М.* Повесть о Митяе. — Л., 1978. — С.204.
- 8 *ПСРЛ*. — СПб., 1897. — Т.11. — С.101.
- 9 *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. — С.49.
- 10 *Щапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. — М., 1978. — С.141, 159—185.
- 11 Там же.
- 12 *Яник В.Л.* О дате Новгородской Синодальной кормчей // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. — С.288, 289.
- 13 *ПСРЛ*. — СПб., 1885. — Т.10. — С.162.
- 14 Там же. — С.172.
- 15 *Шабульдо Ф.М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. — Киев, 1987. — С.15—17.
- 16 *РИБ*. — СПб., 1880. — Т.6. — № 30. — Стб.179.
- 17 *ПСРЛ*. — Т.10. — Стб.176, 177.
- 18 Там же. — С.199.
- 19 Там же. — С.203.
- 20 *Высоцкий С.А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. — Киев, 1966. — С.102, 103.
- 21 См. подробнее: *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды. — М., 1974; *Прохоров Г.М.* Указ. соч.; *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч.
- 22 *РИБ*. — Т.6. — Приложение. — № 3/7. — Стб.13—40.
- 23 *Мейендорф И.Ф.* О византийском исказке и его роли в культурном и политическом развитии Восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. — Л., 1974. — Т.29. — С.303, 304.
- 24 *Греков И.Б.* Указ. соч. — С.106—110; *Прохоров Г.М.* Указ. соч. — С.17.
- 25 *ПСРЛ*. — Т.10. — С.226.
- 26 *РИБ*. — Т.6. — № 9.
- 27 Там же. — № 12. — Стб.63—70.
- 28 *ПСРЛ*. — Т.35. — С.47.
- 29 *ПСРЛ*. — Т.15. — Вып.1. — Стб.65.
- 30 *РИБ*. — Т.6. — № 33. — Стб.203, 204.
- 31 *Шабульдо Ф.М.* Указ. соч. — С.59, 60.
- 32 *РИБ*. — Т.6. — № 13. — Стб.78.
- 33 *Клепатский П.Г.* Очерки по истории Киевской земли. — Одесса, 1912. — С.18—20.

- ³⁴ ПСРЛ. — Т.15. — Вып.1. — Стб.73.
- ³⁵ Соколов П.л. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. — Киев, 1913; Греков И.Б. Указ. соч.; Прохоров Г.М. Указ. соч.; Шабельдо Ф.М. Указ. соч.
- ³⁶ РИБ. — Т.6. — № 33. — Стб.203, 204.
- ³⁷ Боровский Я.С., Толочко П.П. Київська ротонда // Археологія Києва. — К., 1979. — С.103; Боровский Я.Е., Толочко П.П. Из работ Киевской экспедиции // АО 1977 года. — М., 1978. — С.390, 391.
- ³⁸ Скржинская Е.Ч. Печать Нила // ВИД. — Т.16. — С.88, 89.
- ³⁹ Там же. — С.89—92.
- ⁴⁰ ПСРЛ. — Т.15. — Вып.1. — Стб.129.
- ⁴¹ Письмо А.П.Каждана от 21 декабря 1977 г.
- ⁴² Письмо Е.Ч. Скржинской от 8 февраля 1977 г. П.П.Толочко.
- ⁴³ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. — С.90—91.
- ⁴⁴ Ивакин Г.Ю. Памятники сфрагистики и нумизматики // Новое в археологии Киева. — Киев, 1981. — С.413.
- ⁴⁵ Скржинская Е.Ч. Указ. соч. — С.92.
- ⁴⁶ ПСРЛ. — Т.2. — Стб.791.
- ⁴⁷ Там же. — Т.15. — Вып.1. — Стб.149.
- ⁴⁸ РИБ. — Т.6. — № 30.
- ⁴⁹ ПСРЛ. — Т.15. — Вып.1. — Стб.149.
- ⁵⁰ Прохоров Г.М. Указ. соч. — С.69.
- ⁵¹ ПСРЛ. — Т.1. — Вып.3. — Стб.537.
- ⁵² Прохоров Г.М. Указ. соч. — С.200.

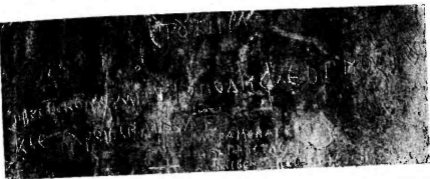

Фото 1. Граффити Софийского собора: «Грешному митрополиту Феогносту всея Руси многие лета»

Фото 2. Иллюстрация из Киевской Псалтыри 1397 г.

Фото 3. Печать Нила. Аверс и реверс. 1970 г.

Фото 4. Печать Нила. Аверс и реверс. 1977 г.

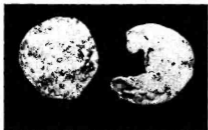
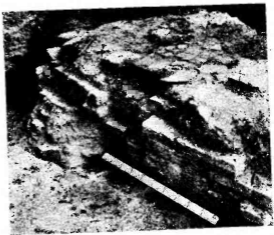

Фото 5. Монеты князя Владимира Ольгердовича из раскопок ротонды (аверс и реверс).

Фото 6. Следы ремонта
ротонды, выполненной
кирпичом с каннелюра-
ми

К ст. С. А. Высоцкого «Древнерусская историческая тема
в светской живописи Софийского собора в Киеве»

Фото. Киев. Софийский собор. «Княгиня Ольга и Константин Багрянор-
ный в ложе константинопольского ипподрома». Фреска XI в.